СРЕДНЕСРОЧНЫЕ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

А. Н. Спартак

Всероссийский научно-исследовательский конъюнктурный институт;
Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия

Т. А. Воронова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В статье рассматриваются долговременные тренды в мировой экономике и международной торговле, новые вызовы для глобального развития, включая цифровизацию и сервисификацию экономики, торговые войны и усиление геополитической напряженности в мире. Проведен анализ среднесрочных перспектив развития мировой общехозяйственной и товарной конъюнктуры, показаны особенности экономической ситуации в крупнейших странах и объединениях – США, ЕС, Китае, Индии. Беспрецедентное по масштабам торгово-экономическое противостояние США и Китая значительно усилило неопределенность на глобальном рынке и спровоцировало взрывной рост торгового протекционизма, дестабилизировало устои современного мирового экономического порядка. Долгосрочные структурные сдвиги в международной торговле будут связаны с увеличением доли услуг и расширением ассортимента торгуемых услуг благодаря цифровизации, в мировой энергетике – с превращением США в одного из крупнейших нетто-экспортеров энергоресурсов и формированием высококонкурентного глобального рынка газа за счет кратного роста экспорта сжиженного природного газа (СПГ) и диверсификации его поставщиков. Практически во всех сценариях будущего преобладают понижающие риски и стратегические неопределенности, что повышает запрос на многовекторность в политике и диверсификацию во внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: глобализация, международная торговля, товарные рынки, конъюнктура, рост, цифровизация, услуги, ограничения, риски.

MEDIUM-AND LONG-TERM TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE WORLD ECONOMY

Andrey N. Spartak

All-Russian Market Research Institute;
Russian Academy of Foreign Trade, Moscow, Russia

Tatiana A. Voronova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The article deals with long-term trends in the world economy and international trade, new challenges for global development, including digitalization and servicification of the economy, trade wars and increasing geopolitical tensions in the world. Also the medium-term prospects

of world economic and commodity markets situation are analyzed, as well as specific economic developments in the largest countries and groupings – the USA, EU, China and India. The unprecedented scale of trade and economic confrontation between the United States and China has significantly increased uncertainty in the global market and provoked an explosive growth of trade protectionism, destabilized the foundations of the existing world economic order. Long-term structural shifts in international trade are associated with an increase in the share of services and expanding range of tradable services due to digitization, in the world energy market – with the US becoming one of the largest net exporters of energy and the formation of a highly competitive global gas market due to the explosive growth of LNG exports and the diversification of its suppliers. Almost all future scenarios are dominated by downside risks and strategic uncertainties, which increases the demand for multi-vector policy and diversification in foreign economic activity.

Keywords: globalization, international trade, commodity markets, conjuncture, growth, digitalization, services, restrictions, risks.

Глобальные тренды

В настоящее время мировая экономика вступила в период системных трансформаций под влиянием совокупности геэкономических, структурных, технологических и торгово-политических факторов.

Центр экономического роста переместился с Запада на Восток, прежде всего в Азиатский регион. Если среднегодовые темпы прироста ВВП по ППС в 2000–2018 гг. для США и Евросоюза составляли менее 2%, то экономика Китая увеличивалась на 8,9% ежегодно, Индии – на 7,3%, стран Юго-Восточной Азии – на 5,2%. В результате по размеру паритетного ВВП Китай обогнал США, а Индия вошла в тройку лидеров. Изменилась расстановка сил в международной торговле в пользу крупных и динамичных развивающихся государств, при этом со второй половины 2010-х гг. торговля растет медленнее или на уровне расширения глобального ВВП. Предполагается, что такое соотношение сохранится в будущем. А ведь именно значительное опережение динамики международной торговли по сравнению с ростом ВВП было важнейшей отличительной чертой периода классической глобализации.

В развитии международного бизнеса все большую роль играют цифровая составляющая, электронная коммерция и различные формы цифровой торговли в Интернете. Современная цифровая повестка включает вопросы цифровизации бизнес-процессов и внедрения цифровых технологий в производство, что ведет к росту производительности и появлению новых бизнес-моделей: упрощение и ускорение трансграничных коммерческих операций за счет внедрения интеллектуальных цифровых систем на всех этапах осуществления внешнеэкономической деятельности; использование цифровых технологий для развития физической торговли (сделки с реальным товаром) и торговли в виртуальной среде (операции с оцифрованными товарами и услугами). Проникновение цифровых технологий в международную торговлю выражается в дематериализации многих звеньев цепочек добавленной стоимости (когда физические поставки заменяются обменом данными), а также в больших

возможностях локализации ранее распределенного географически производства. Современные цифровые технологии качественно демократизировали международную торговлю, сделав ее доступной практически для всех жителей планеты, тем самым создали потенциал цифрового рывка для ныне бедных и даже очень бедных стран [1]. Но в любом случае формирующаяся цифровая реальность – это значительный рост неопределенности и новые системные вызовы для глобального развития.

На фоне усиления стратегической конкуренции между США и Китаем в сфере прорывных цифровых, информационно-коммуникационных и иных технологий (технологии связи 5G, искусственный интеллект, технологии работы с большими данными и др.) развернулось и продолжается беспрецедентное по накалу торгово-экономическое противостояние между двумя странами. Безусловно, резкое усиление протекционизма во внешнеэкономической политике США имеет и свою внутреннюю логику, но масштабная торговая война, ведущаяся в отношении Китая, обусловлена не только и не столько крупным торговым дефицитом и потерей рабочих мест, сколько экзистенциальным вызовом со стороны КНР, который Соединенные Штаты усматривают в глобализации по-китайски, дальнейшей экономической и технологической экспансии Китая в рамках уже, по сути, глобального проекта «Один пояс, один путь».

На наш взгляд, в отличие от полицентричной военно-политической картины мира сложившаяся конфигурация мировой экономики скорее тяготеет к биполярности с сильным отрывом США и Китая от остальных стран и их безусловным лидерством, соответственно, среди развитых и развивающихся государств¹. Глубина и потенциал обеих экономик кратно превосходят даже ближайшие к ним страны. Поэтому пролонгация и дальнейшая эскалация фактически цивилизационного, через призму экономики, противостояния США и КНР чреват серьезной дестабилизацией устоев мирового экономического порядка, неконтролируемым ростом протекционизма в глобальном масштабе, созданием крупных торгово-экономических коалиций для выстраивания собственной оборонительной политики в условиях всеобщей турбулентности.

Привычный мировой экономический порядок пока не разрушен, но находится под очень сильным давлением. Помимо вышесказанного, есть ряд более частных проявлений транзитного состояния нынешнего

¹ По состоянию на 2018 г., на США и Китай приходится 34% глобального паритетного ВВП (15,2% на США и 18,7% на КНР). В группе развитых стран США обеспечивают 37,2% суммарного ВВП, что вдвое больше, чем совокупный ВВП следующих за ними Японии и Германии. И отрыв будет увеличиваться, поскольку прогнозируется, что темпы экономического роста США в ближайшие два десятилетия будут выше, чем в Японии и Европе. Вклад Китая в общий ВВП развивающихся государств достигает 31,5%, что в 2,4 раза превышает ВВП следующей за ним Индии. Особенно заметно превосходство Китая в коммерческом присутствии на мировом рынке: его экспорт товаров и услуг в 2018 г. был вдвое больше, чем суммарный экспорт Индии, России и Бразилии [16. – С. 126].

миропорядка. Например, затянувшийся Брекзит, вскрывший системные проблемы самого успешного в мире европейского интеграционного проекта и создающий многие неопределенности и риски на перспективу. Есть еще срыв чилийского 2019 г. саммита АТЭС (впервые в истории) и невозможность принятия ключевых решений на этом форуме, выход США из Парижского соглашения по климату (официально процесс выхода был запущен в начале ноября 2019 г.), прекращение деятельности Апелляционного органа Всемирной торговой организации с 11 декабря 2019 г. по причине блокирования США назначения новых его членов. Последнее на практике означает подрыв правовых основ функционирования многосторонней торговой системы и может повлечь массовые нарушения принципов и правил ВТО. Эксперты Германского института по международным делам и в сфере безопасности отмечают, что ВТО столкнулась с крупнейшим внутренним кризисом с момента ее создания [15].

Процесс отхода от норм ВТО продолжает набирать обороты прежде всего под влиянием агрессивной протекционистской политики американской администрации, которая, по мнению профессора Дж. Бакхуса, бывшего председателя Апелляционного органа ВТО, стремится «заменить торговую систему, основанную на праве, на право сильного» [18]. В данном контексте показательно, что экономические санкции, формально не подпадающие под юрисдикцию ВТО, все чаще используются США в качестве инструмента конкурентной борьбы на мировом рынке.

В международных экономических организациях и мировой экспертной среде есть общее понимание глубины и остроты проблем, стоящих сегодня перед глобальной экономикой. В предисловии к ноябрьскому 2019 г. экономическому прогнозу ОЭСР (под характерным названием «Политические изменения, чтобы повернуть течение») отмечается: «Наибольшая озабоченность вызвана продолжающимся безостановочно ухудшением прогноза, что отражает недоучет факторов структурных изменений, значащих больше, чем любой циклический шок. Изменение климата и цифровизация продуцируют постоянные перемены в наших экономиках. В дополнение к этому, торговля и геополитика все более отдаляются от многостороннего порядка образца 1990-х гг. Будет политической ошибкой рассматривать происходящие сдвиги как временные факторы, на которые можно воздействовать мерами монетарной или фискальной политики, поскольку проблемы носят структурный характер. В отсутствие четких политических решений по указанным четырем вопросам неопределенность будет сохраняться на высоком уровне, разрушая перспективы роста» [10. – Р. 7]. Если такие решения не будут приняты, как считает Генеральный директор ОЭСР А. Гурриа, мир ожидает «длительный период низкого роста и ухудшающихся жизненных стандартов» [4].

Экономический рост

В 2019 г. глобальная экономика характеризовалась дальнейшим замедлением динамики в ряде ключевых экономик, падением темпов роста международной торговли, снижением инвестиционной активности, повышением волатильности товарных рынков и формированием в целом атмосферы неопределенности и нестабильности в условиях дальнейшего усиления протекционистских тенденций и обострения глобальной геополитической ситуации. Прирост мирового ВВП, рассчитанного по ППС, составил в 2019 г., по последним оценкам, всего 2,8–2,9% – худший результат за весь период после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Самую слабую динамику за послекризисное десятилетие показывает и международная торговля, ее реальное увеличение в 2019 г. лишь немногим превысит 1%.

Мягкая финансово-экономическая политика, проводимая руководством ведущих стран мира, поддерживает прежде всего финансово-банковский сектор и национальные фондовые рынки, однако фактически эта политика так и не смогла развернуть в сторону роста ситуацию в реальном секторе экономики. В октябре – ноябре 2019 г. ФРС США и ЕЦБ практически синхронно включили печатные станки путем запуска новых программ количественного смягчения (в частности, ФРС в объеме 80 млрд долл. в месяц и ЕЦБ – 20 млрд евро в месяц). Процентные ставки остаются на крайне низком уровне во всех ведущих странах Запада, включая США, Японию и страны Евросоюза (где в последние годы действуют отрицательные ставки). Последствия вялой экономической динамики в большинстве развитых стран испытывают на себе государства с формирующимся рынком, экономика которых в значительной степени зависит от внешних условий.

На этом фоне ведущие международные экономические организации, включая МВФ и ОЭСР, стали пересматривать прежние макроэкономические оценки в сторону понижения. В частности, МВФ откорректировал таким образом свой весенний прогноз по показателю прироста мирового ВВП в 2019 г. на 0,3 процентного пункта – до 3,0% (табл. 1). Среди государств G7 лидером по темпам экономического роста в 2019 г. станут США (прирост на 2,3–2,4%), а самые низкие темпы ожидаются в Италии, которая балансирует на грани рецессии: по итогам 2019 г. прирост ВВП в этой стране составит, по оценкам, минимальные 0,1–0,2%.

В странах с формирующимся рынком, входящих в «Большую двадцатку», экономическая ситуация в 2019 г. под влиянием как внутренних, так и внешних факторов в целом ухудшилась по сравнению с предыдущим годом. Так, в Китае и Индии темпы прироста ВВП по итогам 2019 г. замедлятся до порядка 6% с 6,6 и 6,8% соответственно в 2018 г. (хотя по Индии есть и более пессимистичные оценки), а самым слабым звеном в

данной группе стран станет переживающая финансовый кризис Аргентина, где в 2019 г. ожидается сокращение ВВП в годовом исчислении на 3,0–3,1%.

Т а б л и ц а 1

Скорректированные прогнозы темпов прироста мирового ВВП*
(в % к предшествующему году, по ППС, в неизменных ценах)

	2016	2017	2018	2019 (оценка)	2020 (про- гноз)	2021 (про- гноз)	2022 (про- гноз)
МВФ (прежний про- гноз, апрель 2019 г.)	3,4	3,8	3,6	3,3	3,6	3,6	3,6
МВФ (новый прогноз, октябрь 2019 г.)	3,4	3,8	3,6	3,0	3,4	3,6	3,6
В том числе страны с развитой эко- номикой:	1,7	2,5	2,3	1,7	1,7	1,6	1,6
США	1,6	2,4	2,9	2,4	2,1	1,7	1,6
Еврозона	1,9	2,5	1,9	1,2	1,4	1,4	1,4
Великобритания	1,8	1,8	1,4	1,2	1,4	1,5	1,5
Япония	0,6	1,9	0,8	0,9	0,5	0,5	0,5
Прочие страны мира	4,6	4,8	4,5	3,9	4,6	4,8	4,8
Россия	0,3	1,6	2,3	1,1	1,9	2,0	2,0
Китай	6,7	6,8	6,6	6,1	5,8	5,9	5,7
Индия	8,1	7,2	6,8	6,1	7,0	7,4	7,4
Бразилия	-3,3	1,1	1,1	0,9	2,0	2,4	2,4
Мексика	2,9	2,1	2,0	0,4	1,3	1,9	2,1
ОЭСР (ноябрь 2019 г.)							
Мир в целом	3,1	3,7	3,5	2,9	2,9	3,0	...
G20	3,2	3,9	3,8	3,1	3,2	3,3	...
Еврокомиссия (ноябрь 2019 г.)	3,2	3,7	3,6	2,9	3,0	3,1	...
Исследовательский центр EIU (декабрь 2019 г.)	3,3	3,8	3,5	2,8	3,1	3,4	3,6

* Составлено по данным указанных организаций.

На кратко- и среднесрочный период международные экономические организации прогнозируют в целом некоторое укрепление общеэкономической конъюнктуры при условии, что не материализуются различного рода серьезные риски и угрозы, особенно в геополитической и торгово-политической сферах. Основа для устойчивого широкомасштабного глобального роста пока отсутствует, учитывая наблюдающееся повсеместное сокращение промышленного производства (в том числе в автомобилестроении), замедление трансграничной торговли и спроса на инвестиционные товары.

В последнее время на фоне усиления противоречий и конфликтности в международных отношениях в развитии мировой экономики все больше преобладают понижающие риски. Помимо сохранения и

обострения торговых конфликтов с участием крупных геополитических игроков, следует выделить крайне высокий уровень государственного долга, корпоративной задолженности, а также долгов домохозяйств в ряде крупных экономик (например, в США, Японии, Китае), что препятствует росту внутреннего потребления и инвестиций; увеличение отрыва динамики мировых фондовых рынков от состояния в реальной экономике, что несет в себе риски банкротств и последующей дестабилизации на финансовых рынках; растущую геополитическую напряженность, внутривластные конфликты в ряде стран, природные катастрофы, проблемы международного терроризма¹.

В условиях возросшей неопределенности и нестабильности в мире ведущие международные организации (МВФ, Всемирный банк, ОЭСР) избежали давать долгосрочные экономические прогнозы, ограничиваясь разработкой оценок на кратко- и среднесрочную перспективу. Одним из немногих исключений стала публикация в ноябре 2019 г. Международным энергетическим агентством (МЭА) ежегодного долгосрочного прогноза по энергетическим рынкам, включающего прогноз динамики макроэкономических показателей в отдельных регионах и странах мира (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

МЭА: прогноз темпов прироста ВВП в мире в период до 2040 г. по ППС*
(в долл. 2018 г., среднегодовые темпы прироста, в %)

	2000–2018	2018–2030	2030–2040	2019–2040
Северная Америка	2,0	2,0	2,1	2,0
США	1,9	1,9	2,0	2,0
Центральная и Южная Америка	2,6	2,7	3,0	2,9
Бразилия	2,3	2,5	3,1	2,8
Европа (включая Турцию)	1,6	1,7	1,5	1,6
Европейский союз	1,6	1,6	1,4	1,5
Африка	4,3	4,2	4,3	4,3
ЮАР	2,7	2,1	2,9	2,5
Западная Азия	3,9	2,9	3,6	3,2
Евразия (итог по СНГ без Беларуси, Молдовы и Украины)	4,0	2,4	2,3	2,3
Россия	3,4	1,8	1,9	1,8
Восточная, Юго-Восточная и Южная Азия, Австралия и Новая Зеландия	6,0	5,0	3,7	4,4
Китай	8,9	5,2	3,3	4,3
Индия	7,3	7,3	5,2	6,4
Япония	0,8	0,7	0,7	0,7
ЮВА	5,2	4,9	3,8	4,4
Итого по миру	3,7	3,6	3,1	3,4

* Источник: [8]

¹ Один из показательных примеров – нападение дронов на нефтяные месторождения Саудовской Аравии в сентябре 2019 г., повлекшее огромный материальный ущерб и дальнейшую дестабилизацию в Ближневосточном регионе.

Приведенный выше долгосрочный прогноз МЭА свидетельствует о том, что его авторы, как и составители среднесрочных прогнозов, не видят в обозримом будущем новых мощных драйверов роста для экономик развитых стран, включая США, ЕС и Японию, при ожидаемом существенном замедлении экономической динамики в развивающихся странах Азии. Так, по прогнозу МЭА, среднегодовой прирост ВВП Китая снизится фактически с 8,9% в 2000–2018 гг. до 3,3% в 2030–2040 гг., т. е. в 2,7 раза. Стабильно высокой будет экономическая динамика в Африканском регионе, подпитываемая быстрым ростом населения.

На темпы глобального роста, а также ситуацию в отдельных экономиках в дальнейшем, вероятно, могут оказывать существенное влияние геополитические и торговые конфликты, а также потенциально высокая уязвимость финансово-банковских систем в отдельных странах, в том числе как результат неконтролируемого роста задолженности государственного и частного секторов.

Практически все ведущие страны мира столкнулись в 2019 г. с нарастающими экономическими сложностями и возросшими рисками для дальнейшего развития.

В 2018–2019 гг. внутриэкономическая ситуация в США была в целом достаточно противоречивой. С одной стороны, темпы экономического роста были выше, чем в других ведущих развитых странах, отмечались благоприятные показатели занятости и частного потребления. С другой стороны, приход к власти Д. Трампа не обеспечил решения крупных проблем, связанных, в частности, с финансовыми дисбалансами и внешней торговлей (беспрецедентно крупный торговый дефицит, госдолг и др.). Инициированная президентом эскалация торгового протекционизма, по мнению ряда авторитетных американских экономистов, неизбежно бумерангом ударит по самим США. Собственно, ситуация начинает развиваться в соответствии с этими предсказаниями. В течение 2019 г. в стране прослеживаются явные признаки замедления деловой активности. Так, если по итогам 2018 г. прирост американского ВВП достиг 2,9 %, то в I квартале 2019 г. данный показатель составил в годовом исчислении 2,7%, во II квартале – 2,3%, а в июле – сентябре – 2,0%.

Как считают в деловых кругах США, в настоящее время экономическая ситуация находится в состоянии раздвоенности. Экономический рост в стране обеспечивается на две трети за счет увеличения спроса со стороны домохозяйств, в то время как инвестиционная активность идет на спад – не в малой степени вследствие неопределенности, связанной с исходом торгового конфликта с Китаем. Серьезно страдает и промышленное производство США, о чем красноречиво свидетельствуют данные рис. 1.

По мнению независимых экспертов, в условиях нарастания в США финансовых дисбалансов вероятность экономического спада будет зависеть в значительной степени от того, насколько быстро и эффективно

начнут приниматься меры по улучшению контроля за рисками в финансовой сфере, сокращению госдолга и урегулированию торгово-политического противостояния с Китаем.

Рис. 1. Динамика роста производства в секторе обрабатывающей промышленности США в ноябре 2018 г. – октябре 2019 г. (изменения в % в годовом исчислении)¹

Эскалация торгового протекционизма со стороны США негативно сказывается на европейских экономических настроениях. В подготовленном в ноябре 2019 г. «осеннем» прогнозе Еврокомиссия снизила свою оценку прироста ВВП Еврозоны на 2019–2020 гг. соответственно на 0,1 и 0,3 процентного пункта [6]. Весомая финансовая поддержка Брюсселя с целью улучшения условий финансирования и повышения внутреннего спроса не в состоянии полностью компенсировать негативные эффекты от ухудшения внешних условий (в том числе из-за последствий проведения санкционной политики в отношении России). Оживления в экономике стран Еврозоны в ближайшие годы не ожидается, прирост будет находиться в среднем в пределах 1%. Об этом свидетельствует, в частности, и ярко выраженная нисходящая динамика индикатора делового климата в Еврозоне (рис. 2).

Одним из тревожных для Брюсселя трендов с весны 2018 г. является существенное ухудшение экономического климата в Германии. В значительной мере это связано с эскалацией торговых конфликтов с участием США, а также с нарастанием внутренних проблем в Евросоюзе.

Согласно новым оценкам Еврокомиссии, увеличение ВВП Германии в 2019 г. составит всего 0,4%. Таким образом, динамика экономического роста ведущей экономики Европы будет самой низкой с 2009 г. Ин-

¹ Составлено по данным ФРС США.

декс менеджеров по закупкам в сфере обрабатывающей промышленности Германии с начала 2019 г. находится в «красной зоне» (ниже отметки 50,0), а в последние месяцы – ниже отметки 45,0 (в октябре 2019 г. – 42,1).

Рис. 2. Динамика индикатора делового климата в Евростатистике в ноябре 2018 г. – октябре 2019 г. [6]

Примечание. В период 1985-2019 гг. среднее значение индикатора делового климата в Евростатистике равно нулю. На рекордно высоком уровне данный индекс со значением 1,62 находился в январе 2018 г., а на самом низком – минус 3,30 – в марте 2009 г.

Такой низкий результат является отражением падения производства в обрабатывающем секторе в течение одиннадцати месяцев подряд (начиная с ноября 2018 г.), что обусловлено, в частности, слабыми показателями спроса в ключевой для Германии автомобильной отрасли.

В Китае темпы роста экономики в посткризисный период постепенно замедлялись и, если по итогам 2010 г. они составили 10,6%, то с середины 2010-х гг. не превышали уровня в 7%. В 2019 г. динамика ВВП страны, по оценке Национального бюро статистики, продолжала снижаться: в I квартале прирост составил 6,4% (самый низкий показатель с 1990 г.), во II квартале – 6,2% и в III квартале – 6,0%. В целом по итогам 2019 г. экономический рост в Китае, по оценкам международных организаций, замедлится по сравнению с предыдущим годом на 0,5 процентного пункта – до 6,1%. Такое снижение обусловлено прежде всего внешними факторами, в частности, последствиями жесткого торгового противостояния с США и общим спадом глобальной экономической конъюнктуры.

В принципе данный уровень экономического роста находится в русле планов правительства КНР. Так, согласно этим планам, озвученным премьером Госсовета Ли Кэцзяном на Второй сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 2019 г., экономический рост страны

в 2019 г. должен составить 6,0–6,5%. Однако правительству пришлось приложить немало усилий, чтобы не допустить более сильного падения темпов роста (путем сокращения налоговой нагрузки, повышения расходов на инфраструктурные проекты, сохранения достаточного объема ликвидности через уменьшение необходимого уровня банковских резервов).

Несмотря на сказанное, тема дальнейшего существенного торможения экономики КНР остается весьма актуальной. На это указывают авторитетные экономические и исследовательские организации (МВФ, ОЭСР и др.), предвещая ощутимое замедление темпов экономического роста уже в среднесрочной перспективе. Практически во всех прогнозах темпы прироста ВВП Китая снижаются менее чем до 6% с 2020 г. (ноябрьский 2019 г. прогноз ОЭСР дает 5,7% в 2020 г. и 5,5% в 2021 г., декабрьский прогноз Службы глобального прогнозирования EIU – 5,9 и 5,7% соответственно). Начиная с 2023 г., согласно прогнозу EIU, экономика КНР будет расти менее чем на 5% в год [5].

Китайскому руководству пока удается удерживать ситуацию под контролем путем проведения структурных реформ, направленных на повышение эффективности национальной экономики (сокращение неэффективных производственных мощностей, ограничение долгового финансирования, системный контроль в секторе недвижимости и др.). Вместе с тем есть основания полагать, что проблемы Китая гораздо глубже и масштабнее, чем их принято представлять. Эти проблемы связаны с чрезвычайно высокими темпами роста государственных заимствований и корпоративной задолженности.

Так, в 2019 г. резко увеличился объем обязательств по облигациям, эмитированным региональными и муниципальными властями Китая. Эти бумаги выпускаются с целью финансирования проектов экономической и социальной инфраструктуры (энергетика, транспорт, туризм, образование, медицина, др.). По данным агентства Bloomberg, на 2020 г. намечен выпуск муниципальных облигаций на сумму 5,5 трлн юаней, при этом наступает срок погашения таких облигаций на сумму 2 трлн юаней. Это втрое выше по сравнению с 2017 г. и в десять раз превышает средний уровень 2012–2017 гг. По мнению экспертов агентства, провинциальные долги придется, скорее всего, рефинансировать, что приведет лишь к дальнейшему росту государственной долговой пирамиды.

Помимо этого, согласно данным Банка международных расчетов, в 2009–2017 гг. корпоративная задолженность нефинансового сектора Китая росла ежегодно почти на 19%, т. е. существенно более высоким темпом по сравнению со среднегодовым приростом экономики КНР. В 2017 г. отношение величины корпоративного долга к ВВП составило свыше 240%, при этом более $\frac{2}{3}$ корпоративного долга в КНР приходится на государственные компании, большинство из которых являются неэффективными и убыточными.

В этой связи международные эксперты отмечают, что при существующей высокой задолженности в корпоративном секторе Китая более жесткие условия кредитования могут вызвать волну банкротств и нарастание проблем в банковской сфере. Правительство КНР может купировать эту угрозу, спасая предприятия от банкротств, однако такую политику невозможно проводить бесконечно без дестабилизации всей финансовой системы страны.

Непростым оказался 2019 г. для Индии, которую многие зарубежные эксперты рассматривали и рассматривают как один из наиболее динамичных и потенциально очень емких мировых рынков. Темпы экономического роста в годовом исчислении опустились до 5% в апреле – июне 2019 г. и 4,5% в июле – сентябре по сравнению со среднегодовым уровнем в 7–8% в 2015–2018 гг. Падение началось еще с середины 2018 г. В основе нынешних трудностей, как считают специалисты, лежат два фактора: проведенная в ноябре 2016 г. демонетизация, которая значительно сократила реально располагаемые доходы граждан, прежде всего фермеров и сельского населения, и последовавшие налоговые реформы, еще более ограничившие доступную наличность у населения, что в итоге привело к сильному сжатию потребительского спроса и по цепочке – сокращению занятости и зарплат в ориентированных на потребительский рынок секторах. Отмеченное уменьшение государственных инфраструктурных расходов как следствие политики снижения фискального дефицита привело к падению деловой активности в секторе строительства и недвижимости, обеспечивающем существенную часть общей занятости. В итоге еще более расширилась сфера неформальной экономики, все больше сельских граждан, мигрировавших в города, не находили легальную работу [13].

На фоне ухудшающихся прогнозов в сфере потребления и общеэкономического роста замедлились инвестиции, и многие зарубежные институциональные инвесторы покинули индийский фондовый рынок. При этом из-за ослабления глобального спроса и эскалации торгового протекционизма пока не просматривается перспектива возможного переноса в Индию цепочек добавленной стоимости и поставок из Китая, на что ранее рассчитывали индийские власти.

В результате анализа всей совокупности экономических факторов прогноз по Индии на ближайшую перспективу был пересмотрен в сторону понижения. В ноябрьском 2019 г. прогнозе ОЭСР (оценивающим развитие индийской экономики по итогам финансового года, который начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта) показатель прироста ВВП за 2019 финансовый год был уменьшен до 5,8%, за 2020 – до 6,2%. В свою очередь Служба глобального прогнозирования EIU в декабре 2019 г. оценивала экономический рост в Индии за 2019 финансовый год всего в 4,9%. Эксперты EIU предсказывают повышение экономической динамики в 2020–2022 финансовых годах (в 2022 г. – до 6,8%), но уже к

2024 финансовому году темпы роста вновь несколько ослабнут, что будет связано с нарастанием структурных проблем в индийской экономике.

Одна из таких проблем – низкий уровень накопления в экономике в условиях дефицита частных инвестиций, в том числе зарубежных, и ограничений по госрасходам в рамках политики сокращения бюджетного дефицита. Сегодня отношение валовых инвестиций в основной капитал к ВВП в Индии составляет 29%, в Индонезии превышает 32%, а в Китае колеблется в диапазоне 43–44% (рис. 3).

Рис. 3. Валовые инвестиции в основной капитал (в процентах к ВВП крупнейших развивающихся стран) [11]

Надо отметить, что индийские власти принимают меры для повышения деловой активности в стране, увеличения качественных рабочих мест и доходов населения, в том числе проводятся реформы в сфере налогообложения, регуляторики, инфраструктурного строительства. Объявлено о планах по снижению корпоративных налогов, установлению льгот при покупке транспортных средств, рекапитализации банков; центральный банк в течение 2019 г. неоднократно снижал учетную ставку, что заметно уменьшило стоимость заимствований на финансовом рынке. Однако эксперты ОЭСР отмечают, что проблем накопилось очень много, и требуются дальнейшие системные усилия по реформированию экономики.

Все вышесказанное свидетельствует о крайне высокой неопределенности перспектив дальнейшего развития мировой экономики. Показательно, что именно экономическая неопределенность стала ключевым фактором беспокойства для глобального бизнеса после начала масштабного торгового конфликта между США и КНР в марте 2018 г. По расчетам ОЭСР на основе Duke CFO Global Business Outlook, около 60% участников опросов в период с марта 2018 г. по сентябрь 2019 г., оценивая преграды и риски для бизнеса, указали на данный фактор, что в среднем вдвое больше, чем уровень обеспокоенности в связи с действием других факторов (дефициты на рынке труда, правительственная политика, слабый спрос, регуляторные требования) [10. – С. 15].

Международная торговля

На фоне охлаждения глобальной общехозяйственной конъюнктуры и острых коллизий с участием ведущих торговых держав эксперты МВФ в своем последнем прогнозе (октябрь 2019 г.) существенно снизили показатель прироста мировой торговли товарами и услугами в 2019 г. по сравнению с апрельским прогнозом на целых 3,3 процентного пункта – до 1,1%. Корректировки в равной степени касаются оценок как по развитым странам, так и по государствам с развивающимся рынком. Согласно новому прогнозу МВФ, под влиянием провальных показателей 2019 г. в период 2017–2020 гг. средние темпы роста международной торговли товарами и услугами составят в неизменных ценах 3,4%. Хотя в 2021–2024 гг. темпы роста, по оценкам, повысятся в среднем до 3,8%, это не идет ни в какое сравнение с докризисной динамикой (около 8% ежегодно в 2003–2007 гг.) (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Динамика международной торговли товарами и услугами в период 2017–2024 гг.* (изменение в % к предыдущему году, если не указано иное)

	2017	2018	2019 (оценка)	2020 (прогноз)	2021– 2024** (прогноз)
Объем мировой торговли в неизменных ценах	5,7	3,6	1,1	3,2	3,8
Экспорт					
Развитые страны	4,7	3,1	0,9	2,5	3,1
Развивающиеся страны**	7,3	3,9	1,9	4,1	4,6
Импорт					
Развитые страны	4,2	3,7	4,0	3,6	3,2
Развивающиеся страны**	7,0	6,0	4,8	4,9	5,3
Условия торговли					
Развитые страны	-0,2	-0,7	0,0	-0,1	0,1
Развивающиеся страны**	0,8	1,5	-1,3	-1,1	-0,1
Справочно объем мирового реального ВВП	3,8	3,6	3,0	3,4	3,6
Развитые страны	2,5	2,3	1,7	1,7	1,6
Развивающиеся страны***	4,8	4,5	3,9	4,6	4,8

* Источник: [9].

** Среднегодовые темпы.

*** Страны с формирующимся рынком и развивающиеся государства.

Эксперты МВФ не видят предпосылок, которые могли бы в среднесрочном периоде обеспечить существенное повышение темпов роста объемов международной торговли. Более того, они не исключают и более худшего сценария развития событий, если конфликтующие державы (прежде всего, США и КНР) не смогут достичь реальных компромиссов при разрешении существующих острых торговых споров. В таком случае в торговую войну будут втянуты и другие участники, что поставит под

удар всю международную торговую систему и резко ухудшит глобальный инвестиционный климат. Более поздние прогнозы ОЭСР и Службы глобального прогнозирования EIU, учитывающие развитие ситуации в международной торговле в последние месяцы 2019 г., дают менее оптимистичные оценки на ближайший период, чем МВФ. Например, ОЭСР оценивает прирост глобальной торговли товарами и услугами в 2020 г. на уровне всего 1,6% (МВФ – 3,2%), в 2021 г. – 2,3%. Служба глобального прогнозирования EIU ожидает реального увеличения международной торговли товарами в 2020 г. лишь на 2,3% (МВФ – на 3,3%).

Сохраняется ряд принципиальных вопросов в отношении глубинного содержания и потенциальных последствий американо-китайского торгово-экономического противостояния.

Международные эксперты считают, о чем говорилось в начале статьи, что крупный дефицит США в торговле с КНР (419,2 млрд долларов в 2019 г.) – это не основная причина торгового конфликта двух стран. В своем стремлении сдержать экономический рост и технологическое развитие Китая США в ходе переговоров по новому соглашению пытаются убедить китайское руководство отказаться от практики субсидирования государством промышленности, особенно экспортных отраслей. Только в рамках национальной программы «Сделано в Китае 2025» китайское государство, по данным США, ежегодно субсидирует свои высокотехнологичные отрасли на сумму несколько сотен миллиардов долларов, еще полтриллиона долларов выделяется на финансирование экспорта. Руководство КНР рассчитывает, что реализация программы «Сделано в Китае 2025» позволит стране к 2025 г. стать лидером в аэрокосмической отрасли, производстве электромобилей, робототехнике, развитии искусственного интеллекта, технологий связи 5G и в других передовых областях, что категорически не устраивает США. Таким образом, в долгосрочном плане обострение американо-китайского противостояния, по видимому, неизбежно по причине существования в двусторонних отношениях трудноразрешимых стратегических противоречий. Причем такое обострение будет все больше выходить за пределы товарной торговли и двусторонней американо-китайской повестки.

Так, на доходы по статье «поездки», включая туризм и приток студентов из КНР, в 2018 г. приходилась примерно 1/5 всего экспорта американских товаров и услуг в Китай. После быстрого роста в 2010-х гг. число китайских визитеров в США под влиянием ухудшения отношений стало сокращаться.

Дополнительные проблемы возникают непосредственно у предпринимателей. Растущее число китайских компаний попадает в американский так называемый Список организаций (US Entity List), деятельность которых, по мнению администрации США, противоречит интересам национальной безопасности и/или внешнеполитическим интересам

Соединенных Штатов. Для сотрудничества с такими организациями, в том числе на внутреннем рынке США, американским учреждениям и коммерческим структурам предписывается получать специальные разрешения от властей. Наиболее резонансное расширение Списка организаций – внесение в него 15 мая 2019 г. крупнейшего мирового производителя телекоммуникационного оборудования китайской компании Huawei Technologies и ее 70 филиалов в США и 26 других странах.

В свою очередь Китай усиливает административное давление (увеличивается число проверок, усложняется получение лицензий и др.) на местные филиалы американских ТНК. По данным Американской торговой палаты в КНР за 2019 г., каждое пятое дочернее предприятие ТНК в Китае уже столкнулось с ограничительными нетарифными мерами. И каждое третье из опрошенных предприятий заявило о планах отложить или отменить решения об инвестициях, а также переконфигурировать цепочки поставок. Реализация этих планов может быть очень чувствительной, и не только для двусторонних американо-китайских отношений, поскольку масштабы товарных продаж филиалов американских ТНК на китайском рынке сегодня вдвое больше, чем прямой экспорт из США (до глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. объемы продаж филиалов ТНК на внутреннем рынке КНР и экспортных поставок из США находились примерно на одном уровне) [10. – С. 26]. Масштабный перенос производств из КНР в другие страны базирования может существенно повлиять на будущую географию торговых потоков.

Американо-китайское противостояние резко повысило градус протекционистских настроений в международной торговле, где за последние два года произошел взрывной рост объемов поставок, подпадающих под различного рода ограничения при импорте (увеличение импортных тарифов, количественные ограничения, усложненные таможенные процедуры, дополнительные импортные налоги и сборы, введение экспортных пошлин) (рис. 4). По оценке секретариата ВТО, члены организации за период с середины октября 2017 г. по середину октября 2018 г. ввели новые ограничения, охватившие суммарно 588 млрд долларов товарного импорта. В период с середины октября 2018 г. по середину октября 2019 г. покрытие ограничительными мерами импортных потоков возросло до 747 млрд долларов по сравнению с уровнем 100–200 млрд долларов в предшествующие периоды мониторинга в 2010-х гг. (данные оценки не включают меры торговой защиты, применяемые в соответствии с правилами ВТО; если учитывать новые начатые расследования, то к объемам торговли, подпавшим под ограничения в октябре 2018 – октябре 2019 гг., может добавиться еще около 46 млрд долларов) [14]. За десятилетний период наблюдений охват действующими (накопленными) торговыми ограничениями глобального импорта также многократно вырос с 73 млрд долларов (0,6% мирового импорта) в 2009 г. до 1 463 млрд

долларов (7,5%) в 2018 г. На середину октября 2019 г. данная величина оценивалась в 1,7 трлн долларов.

Рис. 4. Кумулятивный объем торговли, подпадающей под действующие ограничительные меры при импорте, введенные с 2009 г. (без учета мер торговой защиты) [14]

Потенциал современной протекционистской волны, как свидетельствует развитие ситуации, далеко не исчерпан. Так, высокое напряжение сохраняется в торговых отношениях между США и ЕС, в глобальной торговле автомобилями и частями к ним, других рыночных сегментах. По сообщению агентства Bloomberg, в Германии Бундестагом в декабре 2019 г. рассматривался законопроект, запрещающий иметь дело с ненадежными поставщиками технологий и оборудования связи 5G (читай – Huawei). В ответ на это китайские власти пригрозили ввести ограничения на импорт автомобилей из Германии.

Четвертый год подряд снижается интенсивность прямых иностранных инвестиций. Отношение мировых текущих ПИИ к глобальному ВВП в 2018 г. опустилось менее чем до 1,4% по сравнению с 2,6% в 2015 г. и более 3,5% в докризисном 2017 г. [12]. Среди главных причин – реформа корпоративного налогообложения в США 2017 г., а также рост конфликтности и неопределенности в международных торгово-экономических отношениях, расширение применения контрольно-разрешительных процедур в отношении ПИИ по соображениям национальной безопасности и внешней политики. В итоге торговые войны ухудшают инвестиционный фон, а падение динамики ПИИ ограничивает возможности для торговли и функционирования глобальных цепочек стоимости.

Из принципиальных структурных трендов в международной торговле следует выделить ее последовательную сервисификацию. По данным ВТО, международная торговля услугами в период 2005–2017 гг. росла быстрее товарного обмена, соответственно на 5,4 и 4,6% ежегодно [17. – С. 22]. Наибольшей динамикой в рассматриваемый период отличалась торговля компьютерными услугами и услугами в сфере НИОКР – в обоих секторах ежегодное увеличение превышало 10%, что вполне закономерно для информационного общества и экономики знаний. Доля услуг в совокупной международной торговле товарами и услугами сегодня пока невелика – примерно 22–23%. Это в 2,5 раза больше, чем в 1970 г. (9%), а при пересчете торговых потоков в терминах добавленной стоимости удельный вес услуг повышается почти до 50% (т. е. становится вдвое больше, чем в валовом объеме торговли).

По оценке экспертов ВТО, вклад услуг в суммарную международную торговлю товарами и услугами может достичь 1/3 к 2040 г., или увеличиться в 1,5 раза к нынешнему уровню. Этому будут способствовать снижение издержек в торговле услугами, которые, по оценкам, пока практически вдвое выше, чем в торговле товарами¹; развитие торговли услугами в цифровой среде с использованием глобальных онлайн-платформ и форматов цифрового аутсорсинга; формирование благодаря цифровизации широкого спектра новых торгуемых и гиперторгуемых услуг, многие из которых ранее практически не участвовали в международном обмене; преодоление необходимости для значительного числа секторов услуг нахождения поставщика и получателя услуг в непосредственной близости друг от друга за счет внедрения современных технологий дистанционного предоставления услуг (в розничной торговле, в индустрии программного обеспечения и сопровождения бизнес-процессов, в области консалтинга, медицины, образования и др.); сервисификация промышленных отраслей и производств, для которых растущая и даже основная часть выручки будет формироваться из поступлений от продажи сопутствующих ИКТ-услуг, деловых и профессиональных услуг [2. – С. 7–30]. При этом все чаще промышленные компании продают и экспортируют услуги в интегрированном, неотделимом от товаров виде, поэтому в экспертном сообществе сегодня обсуждается вопрос еще об одном способе поставки услуг, составляющих неотъемлемую часть поставок товаров, особенно сложной техники и оборудования [7].

В Докладе ВТО о мировой торговле 2019 г. [17. – Р. 227], посвященном будущему международной торговли услугами, последняя с учетом

¹ Тем не менее процесс снижения издержек в торговле услугами уже идет. В период 2000–2017 гг. они снизились на 9% за счет распространения цифровых технологий, торговой-политической либерализации и развития инфраструктуры.

возможностей новых цифровых технологий рассматривается как мощный ресурс дальнейшего развития процесса глобализации, вовлечения в него максимально широких слоев предпринимателей и домохозяйств.

Товарные рынки

В отсутствие в мире общей политической стабильности и устойчивого спроса ситуация на мировых товарных рынках остается неуверенной и неровной при сохранении сравнительно низкого уровня цен. По мнению международных экспертов, разнонаправленные по своим эффектам экономические, технологические, геополитические, торгово-политические факторы будут продолжать оказывать дестабилизирующее влияние на мировые товарные рынки. В частности, в последнее время эксперты все больше сходятся в том, что нефтяные цены в зависимости от усиления или ослабления веса одних или других факторов в итоге будут изменяться в достаточно широком диапазоне. Такие прецеденты имеются: так, котировки нефти марки Brent (покупка) снизились с 85,9 долларов/баррель в начале октября 2018 г. до 49,3 долларов/баррель в конце декабря (падение на 43% менее чем за два месяца), а к 24 апреля 2019 г. эти котировки выросли до 74,5 долларов/баррель (рост на 51% за четыре месяца).

Важно также учитывать, что для ситуации на мировых товарных рынках характерно сильное и порой определяющее воздействие специфических для отдельных рынков конъюнктурообразующих факторов, влияющих на формирование спроса, предложения и динамику цен. Например, рафинированный никель стал исключением среди других основных цветных металлов, не последовав общему понижительному тренду цен (биржевые цены на никель в III квартале 2019 г. подскочили на 27,8%, при этом что в целом котировки на цветные биржевые металлы снизились на 2%). Причиной стал введенный в августе 2019 г. правительством Индонезии запрет на экспорт индонезийской никелевой руды с января 2020 г., обязавший местных продуцентов полностью перерабатывать собственную никелевую руду в промежуточный продукт (никелевый чугун, ферроникель) для дальнейшего экспорта. По мнению экспертов, действия властей Индонезии ставят под угрозу около 15% всех мировых поставок никелевого сырья уже в ближайшей перспективе, что на фоне растущего спроса со стороны производителей аккумуляторов и набирающей динамику отрасли по выпуску электротранспорта способно спровоцировать долгосрочный растущий тренд в биржевых котировках этого металла.

Согласно приведенному в табл. 4 прогнозу Всемирного банка, к 2022 г., несмотря на общую умеренно повышательную динамику, номинальные цены большинства аграрных и топливно-сырьевых товаров, за исключением драгоценных металлов, не достигнут уровня 2014 г.

Т а б л и ц а 4

Прогноз цен на мировых товарных рынках по аналитическим группам товаров и укрупненным товарным позициям до 2022 г.*
(динамика индексов номинальных цен, выраженных в долларах)

	Факт					Оценка	Прогноз		
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
	2010 г. = 100								
Энергетические товары	118,3	65,0	55,1	68,1	87,0	74,3	72,0	73,3	74,7
Неэнергетические товары	96,9	81,5	79,4	83,8	85,2	81,2	81,3	82,6	84,0
Продукция аграрно-продовольственного комплекса	102,6	87,6	87,5	87,0	86,7	82,6	83,1	84,7	86,3
Продовольствие	107,1	88,0	89,6	90,2	90,4	86,0	85,9	87,6	89,2
Растительные масла	106,4	84,4	88,3	87,6	85,0	76,1	74,5	76,9	79,3
Зерновые	104,1	87,1	80,7	80,5	88,8	88,8	90,1	91,5	92,9
Удобрения	101,5	98,4	77,8	74,3	82,5	82,0	83,8	85,6	87,5
Базовые цветные металлы**	89,0	73,6	68,3	84,9	90,6	81,7	82,1	83,4	84,8
Драгоценные металлы	101,1	90,6	97,5	97,8	97,2	105,3	111,2	110,1	109,0

* Источник: Thomson Reuters Commodity Indices.

** Алюминий, медь, никель, олово, свинец и цинк.

Следует, однако, иметь в виду, что с учетом существующих неоднозначных мирохозяйственных, геополитических и других факторов глобальные рынки наиболее чувствительных к перепадам конъюнктуры товаров (как было показано выше на примере нефти) в отдельные периоды будут характеризоваться высокой волатильностью цен. В частности, к крайне негативным последствиям для товарных рынков может привести вступление в более острую фазу торгового конфликта между США и Китаем или резкое обострение военно-политической ситуации в районе Персидского залива.

В долгосрочной перспективе на состояние мировых товарных рынков будет влиять не менее и даже более сложная, чем сегодня, совокупность структурно-технологических, геоэкономических и иных факторов. Для России, являющейся одним из крупнейших игроков на мировом энергетическом рынке, наибольший интерес представляют актуальные прогнозы по рынкам нефти и газа.

Наиболее авторитетным в этой области является регулярно обновляемый в ноябре очередного года Мировой энергетический прогноз Международного энергетического агентства, функционирующего под

эгидой ОЭСР. Последний такой прогноз был опубликован в ноябре 2019 г. [8]

В части нефтяного рынка прогноз предсказывает значительное укрепление позиций США как производителя и особенно экспортера нефти (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Долгосрочный прогноз внешней торговли нефтью* (в млн баррелей/сутки)

	2000	2018	2030	2040
Нетто-экспорт				
Ближний Восток	18,9	23,5	24,2	24,6
Северная Америка	-9,6	-0,1	7,6	8,9
Россия	3,9	8,1	6,9	5,8
Центральная и Южная Америка	2,2	0,5	1,5	2,8
Каспийский регион	0,8	2,3	2,1	2,0
Африка	5,4	4,2	2,2	0,8
Нетто-импорт				
Китай	1,7	9,4	12,9	13,3
Прочие азиатские страны АТР**	2,2	7,1	9,8	10,7
Индия	1,5	3,7	6,7	8,4
ЕС	10,8	10,9	9,6	7,5
Япония и Южная Корея	7,3	6,1	5,2	4,2

* Источник: [8].

** Без КНР, Индии, Японии и Южной Кореи.

Пик нефтедобычи в Соединенных Штатах придется на 2030 г. – почти 22 млн баррелей/сутки, что обеспечит 85% глобального прироста нефтедобычи в 2019–2030 гг.¹ Соответственно увеличится отрыв США от других крупнейших нефтепроизводителей, превышение над Саудовской Аравией составит 1,7 раза в 2030 г. (1,25 раза в 2018 г.), Россией – 2,05 раза (1,35 раза). Такой рост будет поддерживаться беспрецедентно высокими объемами инвестиций в энергетику и энерготранспортную инфраструктуру – на уровне порядка 200 млрд долларов ежегодно в период 2019–2040 гг. (в ценах 2018 г.).

Качественное изменение для нефтяного рынка в предстоящий период будет связано с превращением США из крупного нетто-импортера нефти в ее крупного нетто-экспортера уже к середине 2020-х гг.

Валовый нефтяной экспорт из США (сырая нефть и нефтепродукты) в 2030 г. в 5 раз превысит уровень 2010 г. К 2030 г. Соединенные Штаты станут вторым в мире экспортером нефти после Саудовской Аравии и обойдут по этому показателю Россию. Как в такой ситуации будет

¹ Здесь и далее приводятся оценки из прогноза МЭА в рамках сценария заявленных политик по развитию ТЭК.

складываться судьба ОПЕК и нынешней системы регулирования нефтяного рынка, сказать сложно. Но риски дестабилизации этого рынка и без того очень волатильного, безусловно, возрастают [3. – С. 7–24].

В наибольшей степени в ближайшие два десятилетия чистый импорт нефти возрастет в Китае (до 80% внутреннего потребления), Индии (до 90%), а также в странах Юго-Восточной Азии. В результате конкурентная борьба между поставщиками жидкого топлива на этих рынках еще более возрастет, что надо учитывать России.

Как ожидается, мировая газодобыча будет устойчиво расти: в период до середины 2020-х гг. в основном за счет увеличения добычи сланцевого газа, прежде всего в США, а затем вновь из традиционных источников в условиях быстрого расширения газодобычи в ближневосточных и отдельных африканских странах, ряде других государств. По прогнозу МЭА, к 2040 г. Россия сохранит за собой позицию крупнейшего нетто-экспортера газа со значительным отрывом от других растущих нетто-экспортеров – регионов Ближнего Востока, Северной Америки, Африки к югу от Сахары и Австралии (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Долгосрочный прогноз внешней торговли природным газом* (в млрд м³)

	2000	2018	2030	2040
Нетто-экспорт				
Россия	185	230	290	336
Ближний Восток	12	109	138	203
Северная Америка	-37	16	150	149
Австралия	10	78	126	148
Африка к югу от Сахары	5	36	97	133
Каспийский регион	36	91	123	130
Северная Африка	61	45	53	57
Нетто-импорт				
ЕС	221	360	400	356
Китай	1	122	286	353
Прочие азиатские страны АТР**	-65	-27	88	181
Япония и Южная Корея	97	170	145	153
Индия	-	30	78	115
Межрегиональная торговля газом***				
СПГ	136	352	598	729
Природный газ по трубопроводам	378	436	528	549
Мир – всего	514	788	1126	1278

* Источник: [8]

** Без КНР, Индии, Японии и Южной Кореи.

*** Между географическими регионами, выделенными в прогнозной модели МЭА (без внутрирегиональной торговли, например, внутри ЕС, Северной Америки).

В межрегиональной торговле газом, учитываемой в прогнозной модели МЭА (без внутренней торговли в рамках выделенных в модели регионов, например, Евросоюза, Северной Америки), соотношение СПГ и магистрального газа изменится соответственно с 44,7 и 55,3% в 2018 г. на 57 и 43% к 2040 г. Общий объем межрегиональной торговли газом в 2040 г. будет почти на 0,5 трлн м³ больше, чем в 2018 г. Существенно быстрее будет увеличиваться торговля СПГ (более чем на 3% ежегодно), а умеренное расширение объемов поставок магистрального газа произойдет в основном за счет экспорта по газопроводам из России в КНР.

Очевидно, что в ближайшие десятилетия газовый рынок станет настоящим глобальным и высококонкурентным. Помимо России и Ближнего Востока, появятся новые крупные поставщики; США выйдут к 2025 г. на 2-е место (после Российской Федерации) в рейтинге ведущих мировых экспортеров газа; Австралия обойдет Катар по отгрузкам СПГ. В период 2025–2040 гг. почти 40% общемирового прироста экспорта газа придется на Африку, в первую очередь за счет увеличения поставок СПГ из Восточной Африки. Усилятся ценовая конкуренция на рынке газа, что может стимулировать дальнейший поиск взаимоприемлемых форматов международного регулирования в этой сфере.

В целом проведенный анализ среднесрочных и долгосрочных тенденций в развитии мировой экономики свидетельствует о наличии значительных понижающих рисков и стратегических неопределенностей в этой области. Сказанное объективно формирует запрос на сбалансированную по основным партнерам и регионам многовекторную внешнеэкономическую политику России, диверсификацию форм и направлений внешнеэкономической деятельности для обеспечения устойчивого экономического роста страны. Одновременно надо учитывать, что нестабильность, турбулентность мирового развития, рыночная волатильность, эскалация глобальных проблем и появление новых вызовов могут не только создавать дополнительные проблемы, но и благоприятные возможности для нетрадиционных решений во внешнеэкономической сфере, реализации интеллектуального, инновационного потенциала нации, получения чисто конъюнктурных выгод. Все это надо уметь использовать в интересах России.

Список литературы

1. Спартак А. Н. Последствия цифровой трансформации для международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 5. – С. 7–23.
2. Спартак А. Н. Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. – М. : ВАВТ : ИКАР, 2018.

3. Спартак А. Н., Французов В. В. Современные тенденции и риски в развитии мировой экономики // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 2. – С. 7–24.

4. Economic Outlook: Weak Trade and Investment Threaten Long-Term Growth. OECD, 2019. – November 21. – URL: <https://www.oecd.org/economy/economic-outlook-weak-trade-and-investment-threaten-long-term-growth.htm> (дата обращения: 12.12.2019)

5. EIU Global Forecasting Service. 2019. – December 11. – URL: <http://www.gfs.eiu.com/Article.aspx?articleType=rf&articleId=618794245&secId=0> (дата обращения: 12.12.2019).

6. European Economic Forecast, 2019. – November.

7. How to Include «Mode 5» Services Commitments in Bilateral Free Trade Agreements and at Multilateral Stage? Study Requested by the INTA Committee, European Parliament. PE 603/873/. 2018. – July. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603873/EXPO_STU\(2018\)603873_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603873/EXPO_STU(2018)603873_EN.pdf) (дата обращения: 14.11.2019).

8. IEA, World Energy Outlook, 2019. – November 13.

9. IMF. The World Economy: Synchronized Slowdown, Precarious Outlook, 2019. October 5. – URL: <https://blogs.imf.org/2019/10/15/the-world-economy-synchronized-slowdown-precious-outlook/> (дата обращения: 14.11.2019).

10. OECD Economic Outlook. – 2019. – Issue 2. – № 106. – P. 7. – URL: <https://doi.org/10.1787/9b89401b-en> (дата обращения: 12.12.2019)

11. OECD Economic Survey of India. 2019. – May 12. – URL: <https://www.oecd.org/economy/india-step-up-reform-efforts-to-increase-quality-jobs-and-incomes> (дата обращения: 12.12.2019).

12. OECD. FDI in Figures, 2019. – October.

13. The Week. Five Factors that Worsened the Economic Slowdown. Larger Concerns Over «Structural Issues» Ailing the Indian Economy, 2019. – September 3.

14. Trade Policy Review Body. Overview of Developments in the International Trading Environment : Annual Report by the Director-General. Mid-October 2018 to mid-October 2019. WTO, 2019. – December 12. – URL: https://www.wto.org/english.news_e/news19_e.dgra_12dec19_e.htm (дата обращения: 12.12.2019).

15. Ways Out of the WTO's December Crisis. How to Prevent the Open Global Trade Order from Unravelling. Stiftung Wissenschaft und Politik, German Institute for International and Security Affairs. SWP Comment 2019/C46, 2019. – December. – URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/ways-out-of-the-wtos-december-crisis/> (дата обращения: 12.12.2019).

16. World Economic Outlook: Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers. IMF, 2019. – October. – P. 126.

17. World Trade Report 2019. The Future of Services Trade. WTO, 2019.

18. WTO Chief. Months' Needed to Fix Disputes Body/BBC News, 2019. – 10 December. – URL: <https://www.bbc.com/news/business-50736344> (дата обращения: 11.12.2019).

References

1. Spartak A. N. Posledstviya tsifrovoy transformatsii dlya mezhdunarodnoy trgovli [Implications of Digital Transformation for International Trade], *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*, 2018, No. 5, pp. 7–23. (In Russ.).
2. Spartak A. N. Sovremennye transformatsionnye protsessy v mezhdunarodnoy trgovle i interesy Rossii [Modern Transformation Processes in International Trade and Russia's Interests]. Moscow, VAVT : IKAR, 2018. (In Russ.).
3. Spartak A. N., Frantsuzov V. V. Sovremennye tendentsii i riski v razvitiі mirovoy ekonomiki [Current Trends and Risks in the Development of the World Economy], *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*, 2019, No. 2, pp. 7–24. (In Russ.).
4. Economic Outlook. Weak Trade and Investment Threaten Long-Term Growth. OECD, 2019, November 21. Available at: <https://www.oecd.org/economy/economic-outlook-weak-trade-and-investment-threaten-long-term-growth.htm> (accessed 12.12.2019)
5. EIU Global Forecasting Service. 2019, December 11. Available at: <http://www.gfs.eiu.com/Article.aspx?articleType=rf&articleId=618794245&seclId=0> (accessed 12.12.2019).
6. European Economic Forecast, 2019, November.
7. How to Include «Mode 5» Services Commitments in Bilateral Free Trade Agreements and at Multilateral Stage? Study Requested by the INTA Committee, European Parliament. PE 603/873/. 2018, July. Available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603873/EXPO_STU\(2018\)603873_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603873/EXPO_STU(2018)603873_EN.pdf) (accessed 14.11.2019).
8. IEA. World Energy Outlook, 2019, November 13.
9. IMF. The World Economy: Synchronized Slowdown, Precarious Outlook, 2019. October 5. Available at: <https://blogs.imf.org/2019/10/15/the-world-economy-synchronized-slowdown-precious-outlook/> (accessed 14.11.2019).
10. OECD Economic Outlook, 2019, Issue 2, No. 106, P. 7. Available at: <https://doi.org/10.1787/9b89401b-en> (accessed 12.12.2019)
11. OECD Economic Survey of India. 2019, May 12. Available at: <https://www.oecd.org/economy/india-step-up-reform-efforts-to-increase-quality-jobs-and-incomes> (accessed 12.12.2019).
12. OECD. FDI in Figures, 2019, October.

13. The Week. Five Factors that Worsened the Economic Slowdown. Larger Concerns Over «Structural Issues» Ailing the Indian Economy, 2019, September 3.

14. Trade Policy Review Body. Overview of Developments in the International Trading Environment. Annual Report by the Director-General. Mid-October 2018 to mid-October 2019. WTO, 2019, December 12. Available at: https://www.wto.org/english.news_e/news19_e.dgra_12dec19_e.htm (accessed 12.12.2019).

15. Ways Out of the WTO's December Crisis. How to Prevent the Open Global Trade Order from Unravelling. Stiftung Wissenschaft und Politik, German Institute for International and Security Affairs. SWP Comment 2019/C46, 2019, December. Available at: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/ways-out-of-the-wtos-december-crisis/> (accessed 12.12.2019).

16. World Economic Outlook: Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers. IMF, 2019, October, P. 126.

17. World Trade Report 2019. The Future of Services Trade. WTO, 2019.

18. WTO Chief: Months' Needed to Fix Disputes Body/BBC News, 2019, December 10. Available at: <https://www.bbc.com/news/business-50736344> (accessed 11.12.2019).

Сведения об авторе

Андрей Николаевич Спартак

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, директор Всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института, заведующий кафедрой международной торговли и внешней торговли Российской Федерации ВАВТ Минэкономразвития России. Адрес: ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 119285, Москва, ул. Пудовкина, д. 4
E-mail: spartak@vniki.msk.ru

Татьяна Андреевна Воронова

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международного бизнеса и таможенного дела РЭУ им. Г. В. Плеханова. Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Voronova.TA@rea.ru

Information about the author

Andrey N. Spartak

Corresponding Member of the Russian Academy of Science, Holds Doctor of Science Degree in Economics (Scientific Speciality «World Economy»), Professor, Director of the All-Russian Market Research Institute, Head of Chair in the Russian Foreign Trade Academy. Address: Russian Foreign Trade Academy, 4. Pudovkin str., Moscow, 119285, Russian Federation. E-mail: spartak@vniki.msk.ru

Tatiana A. Voronova

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of International Business and Customs of the PRUE. Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: Voronova.TA@rea.ru